

ТАТЬЯНА СМИРНОВА

Я - ЖЕНЩИНА

ИЛИ ТЕОРИЯ МУЖСКОГО НЕПОСТОЯНСТВА

12+

ВОТ КАК БЫВАЕТ...

Татьяна Васильевна Смирнова

Я – женщина, или Теория мужского непостоянства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39834189

SelfPub; 2018

Аннотация

Марина уверена, что ни один мужчина не способен хранить верность одной-единственной женщине всю свою жизнь, а в будущем через каждые пятнадцать-двадцать лет совместной жизни нужно будет подтверждать свой семейный статус, так как первый брак автоматически потеряет юридическую силу. Она готова к тому, что рано или поздно даже горячо любимый муж Валера впишется в придуманную ею же "Теорию мужского непостоянства", и когда, вернувшись однажды раньше времени из командировки, застаёт в супружеской постели юную незнакомку, почти не удивляется...

Содержание

Я – женщина, или Теория мужского непостоянства	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Я – женщина, или Теория мужского непостоянства

Я – женщина, и этим многое объясняется. Наверное, мужчина в моей ситуации поступил бы как-то иначе. А я, вернувшись раньше времени из командировки (уже смешно), открыв дверь своим ключом, войдя в наполненную родными запахами квартиру, на цыпочках пробравшись по коридору к спальне (хотела сделать любимому сюрприз)...

Слишком много деепричастий. Все можно описать простым и доступным языком: приехала рано утром в воскресенье (должна была в среду). Прямо с вокзала – на такси домой, так как в редакции не знали о моем досрочном возвращении и машину не прислали; открыла дверь своим ключом; вещи бросила в прихожей; осторожно (не хотела будить родного человека) вошла в спальню – а там, как и водится, муж...

С этого места подробнее. Еще когда я двигалась по направлению к спальне, боковым зрением зафиксировала на вешалке женский светлый кожаный плащ. То есть где-то в подсознании отложилось – и все. Видимо, сработала защитная реакция организма: этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Откуда чужой женский плащ У МЕНЯ дома? Если он та-

ки висит, значит, кто-то из общих знакомых оставил (может, Верка Колосова, может, Наташка Ивахненко – мои подружки, мужья которых – приятели моего Валерика). А если ни то, ни другое, значит, померещилось: в прихожей довольно темно... Но все это промелькнуло – и ушло, пока я пробиралась по узкому коридорчику, на ходу поправляя висевшие на стене семейные фотографии в рамочках.

Про светлый плащик на вешалке я забыла в тот же момент, когда, осторожно приоткрыв дверь утопающей в интимном полумраке спальни, уперлась взглядом в удивительную по красоте картину: немыслимым образом переплетаясь, запутавшись в длинных светлых волосах, мирно спали двое. Он и она. Он сгреб ее в охапку, уткнулся лицом в затылок, сверху еще и ногу закинул. Она, почти невидимая из-под его крепкого тела, тихо посапывала, свесив тонкую руку с кровати... Одеяло валялось на полу, обнаженные, вжавшиеся друг в друга фигуры выглядели на огромном алом шелковом пространстве трогательно и жалко.

На сервировочном столике рядом с постелью, куда упала полоска света, – недопитая бутылка моего любимого вина «Шато ле гранд ...»; бокалы (один – в губной помаде термоядерного цвета); блюдо с огрызками яблок и косточками от винограда; почти пустая коробка «Рафаэло» и гора воздушно-прозрачных фантиков вокруг. Здесь явно пировали!

Где-то между животом и грудью что-то образовалось и принялось меня душить. Не хватало воздуха, в глазах в бук-

вальном смысле (а не ради красного словца) потемнело. Руки противно затряслись, ноги стали ватными, а еще почему-то затошнило и захотелось в туалет одновременно. Стараясь не дышать, я осторожно прикрыла дверь и так же на цыпочках вернулась в прихожую.

Я – женщина, поэтому не стала пинками сгонять неверного мужа с кровати, царапать ему лицо, таскать разлучницу за волосы (длинные, блестящие, ухоженные – прямо скажем, красивые волосы) и голой – на радость соседям – вытаскивать из квартиры... В прихожей я задержалась возле пресловутого светлого плащика, тяжело вздохнула и обследовала чужие карманы.

Губная помада «Кристиан Диор» цвета «вырви-глаз», не совсем свежий носовой платочек с вязким ароматом каких-то знакомых духов, связка ключей, скомканная квитанция: некто Изюмова с улицы Полины Осипенко, 32 вчера сдала в химчистку бр. костюм. И телефончик прилагается (приемщица его пишет, конечно, для себя, но под копирку)...

Ну, Изюмова – так Изюмова, фамилию перепутать трудно, адрес я теперь тоже никогда не забуду, а телефон – и подавно, даже если бы и захотела. Будто каленым железом в мозгу выжгли: 19-82-35. В 19 я вышла замуж, в 82-ом – умер Брежнев, а 35 – мне сейчас. Лучший способ запоминать те-

лефоны.

А еще я зачем-то прихватила из чужого кармана ключи – ну, не знаю, зачем. Ведь я – женщина, и некоторые поступки не могу объяснить даже сама себе.

Тихо вышла из квартиры, постаравшись при этом не щелкнуть замком. Дорожная сумка тянет руку, в голове – вакуум. На часах – шесть утра.

Вот так моя жизнь раскололась на две неравные половины: до сегодняшнего незапланированного возвращения домой – и после.

Я поймала такси и отправилась к своей старшей сестре Илоне, потому что больше мне ехать было некуда. Из меня словно вытряхнули жизнь. Я ощущала себя мешком с костями и внутренностями – без чувств и без души.

Я не плакала, не билась в истерике. Совершенно сухими глазами смотрела в окно и думала о том, что осень в этом году ранняя, а скоро мои любимые желтые листья опадут совсем, и будет гадко, как всегда в ноябре...

Илона спала, когда я к ней заявила (а что еще должен делать человек ранним воскресным утром, в свой законный выходной?). Немилосердно зевая и запахивая на необъятной талии атласный халат, сестра, предварительно зыркнув в глазок, открыла дверь и махнула рукой – мол, заходи. Я уронила на пол сумку, и там что-то грюкнуло – черт, банку орехового варенья, которым меня угостили коллеги, я положила на самое дно. Ну, и Бог с ним, с вареньем – кто теперь будет

его есть? Да и везла я его в первую очередь для мужа, для Валерки, – нам с Илоной сладкое противопоказано.

Как зомби, повесила на вешалку свое пальтишко (это вам не плащ светлой тонкой кожи), сбросила любимые (командировочные, без каблуков) туфли, «на автопилоте» прошлепала следом за сестрой на кухню.

Там, как обычно, царил полный бардак – моя ближайшая родственница никогда не мыла посуду с вечера, оставляя это мероприятие на утро, обед или даже полдник следующего дня – «на свежую голову», как она говорила. Поэтому я скромно расчистила себе для локтя уголок на краю заставленного чем попало стола (там, помимо грязной разномастной посуды, расквашенного сливочного масла в бумажной упаковке, хлебных корок, смятых салфеток и использованных зубочисток, поместились также пара дамских журналов, корзинка с вязанием, открытая банка «Вискаса» и телесного цвета колготки) и замерла, опершись спиной о стену и вытянув ноги. Думала почему-то о том, зачем Илонке «Вискас», если у нее отродясь не было котов...

Сестрица, видимо, постепенно просыпалась, потому что ее взгляд становился более осмысленным, и в процессе этого на лице все отчетливее проявлялось изумление. Я тихо сидела на своем любимом месте между столом и холодильником и терпеливо ждала, пока Илона окончательно проснется. Наконец, это случилось.

– Маринка, ты чего, с дуба упала?! – хриплым со сна го-

лосом выдала родная сестра. – Ты чё не домой-то?

Нужно быть до конца откровенной: ответила я примерно с двадцатой попытки, когда Илонка уже начала разжимать мне ложкой зубы, пытаясь влить в рот «Новопассит» (ничего другого у этой на редкость здоровой сорокалетней женщины под рукой не оказалось) и хлестать по щекам грязным кухонным полотенцем. Наверное, это и привело меня в чувство, потому что больше всего на свете я ненавижу запах грязных кухонных полотенец. Отплевавшись от «Новопассита», я отпихнула заботливую руку с полотенцем, и вполне осмысленно ответила вопросом на вопрос:

– Илона, можно, я поживу у тебя до среды?

Я могла бы, конечно, придумать красивую легенду о своем неожиданном возвращении и о том, что муж в это время тоже уехал в командировку (почему бы и нет? Он деловой человек), а ключа у меня нет... Но я ведь приехала к сестре, верно? А она с самого моего пеленочного возраста знала, когда я ору по делу, а когда просто для того, чтобы пожалели и взяли на руки... Это не то место, где можно вешать лапшу на уши.

И я совершенно спокойно рассказала Илонке про то, что произошло некоторое время назад. Без истерических воплей, перехода на личности и тому подобных глупостей. Будто 157 серию «мыльной оперы» пересказала.

Дело в том, что мы с Илоной чего-то подобного подспудно ждали уже давно. Когда отец оставил маму, я вывела для

себя теорию «мужского непостоянства». Мне было тогда 17 лет (сестре – 22 года), и, как потом выяснилось, папа ждал, пока я стану самостоятельной, прежде чем насовсем уйти к любовнице, с которой прелюбодействовал года четыре.

Весь ужас состоял в том, что папашкиной даме сердца было столько же лет, сколько Илонке, и мама пережила этот факт особенно тяжело. «Господи, это же все равно, что с собственной дочерью спать», – как в бреду, повторяла она, а потом часами сидела перед зеркалом, что-то там высматривая...

К сожалению, простым смертным женщинам тогда были недоступны косметические операции и всякие золотые нити – мама старела мучительно, болезненно, с надрывом. Думаю, она и заболела из-за этого, и сгорела тихо в пятьдесят с небольшим. А отец... Отцу сейчас за шестьдесят, и у него снова юная (относительно, конечно) жена. На этот раз папаша не стал дожидаться, пока нашей первой «мачехе» стукнет сорок и повзрослеет их совместный сын Петька. Он ушел к 28-летней «тургеневской девушке» (где только ее откопал?), и, по слухам, готовится в очередной раз стать отцом... Я не удивлюсь, если он и на этом не успокоится – на его век дур хватит.

Но Бог с ним, с родителем, – мы уже года два не общаемся. Зато с «мачехой» Тамаркой – в прекрасных отношениях. Побывав в маминой шкуре, она стала нам чуть ли не лучшей подругой. Вместе с Илонкой они сделали себе круговые под-

тяжки, записались на шейпинг и в бассейн, и уже год раздельно питаются по Монтиньяку. Разница лишь в том, что шкидла Тамарка пытается нарастить объемы, а бомба Илона – скинуть лишний вес, но пока ни у той, ни у другой ничего не получается.

Так вот, о моей теории. Тогда, в 17 лет, я сделала гениальный вывод о том, что все мужчины по своей сути НЕ полигамны – это было бы слишком просто даже для таких примитивных созданий. Мужчины – совершенно другой, чуждый нам, женщинам, вид. Для них не существует таких понятий, как родство душ, привязанность, ответственность. На первом месте у них – услада плоти, и, потеряв сексуальной интерес к замученной родами и хозяйством законной жене, они легко перешагивают через годы совместной жизни и ищут новое – молодое, упругое, свежее – тело...

И за это на них нельзя обижаться! Просто они не могут по-другому. Это – зов крови, гены – как угодно. Они – другие, и такими нужно их принимать. Ну, мы ведь не осуждаем больных людей? И мужчины тоже как бы не совсем здоровы изначально... Я даже была уверена, что когда-нибудь во всех цивилизованных странах примут закон, по которому через каждые пятнадцать-двадцать лет совместной жизни нужно будет подтверждать свой брак. То есть, первый, заключенный в молодости, автоматически будет терять юридическую силу, а чтобы мужчина и женщина формально оставались супругами, им нужно будет снова явиться в ЗАГС или

что там к тому времени придумают вместо этой аббревиатуры, и сказать: «Дайте нам еще срок...»

Так что, когда Илонкин Костя сделал ей на тридцатипятилетие «подарок», объявив, что любит другую, я даже не удивилась. Как не удивилась и тому, что его новой избраннице едва минуло восемнадцать. Они вместе уже пять лет, у них растет чудесная Катенька, которая обожает своих старших братьев – Илонкиных сыновей семнадцати и пятнадцати лет от роду. У них там вообще «шведская семья»: праздники отмечают все вместе, Катька постоянно ошивается у Илонки, а парни на выходные уезжают к отцу (он живет в загородном доме).

Пластическая операция сестре помогла мало, но она по этому поводу, похоже, не комплексовала: имела молодого любовника, пожилого обожателя и еще одного друга детства (не говоря о бывшем муже, ставшем просто лучшей подружкой), которые совершенно не давали ей скучать.

Следующей на очереди, по собственной же теории, была я сама, поэтому, скажем так, внутренне к возможному повороту событий готовилась. Но все равно оказалась не готова!

Илона внимательно меня выслушала, и надолго задумалась. Я еще слегка вздрагивала всей кожей, как корова, сгоняющая слепней, но была почти спокойна. Незаметно наступило нормальное воскресное утро: за стенкой у соседей заорал телевизор, сверху доносился ровный гул работающего пылесоса, снизу гремели посудой и громко ругались. Слы-

шимость в Илонкиной квартире была изумительной – сестра по стонам и воплям уже различала всех подружек соседа по лестничной площадке, а было дамочек немало, хотя все – постоянные...

– А вы как в среду договаривались – он тебя будет на вокзале встречать? – спросила сестра.

– Конечно, нет. Нас же редакционный автомобиль всегда встречает. То есть, в этом смысле проблем нет – просто в среду я вызову такси и приеду утром, будто с поезда. А там посмотрим...

– Маринка, скажи честно, что ты задумала? – сестра знала, что я всегда была себе на уме, и заранее переживала. – И зачем ты сперла ключи?

– Понятия не имею. Предположим, фамилию, номер телефона и даже примерный адрес я знаю...

Илона уставилась на меня непонимающим взглядом, потом всплеснула руками:

– Марина! Ты что, хочешь ее найти?! И попасть в квартиру?! Ты же не знаешь, что там и кто там! Это глупо! Глупо!

Да я и сама понимала, что глупо. Все, что должно было случиться, уже случилось, и теперь ситуацию просто следовало довести до логического завершения, уладить формальности. Разумеется, я не собиралась делить своего мужа ни с какой Изюмовой, и не желала быть в роли обманутой жены. Мы прожили в мире и согласии пятнадцать лет, почти вырастили замечательную дочь Аришку, которая на год уехала

учиться в Америку по обмену (прошла, кстати, сумасшедший конкурс). У нас хорошая, уютная квартира, набитая бытовой техникой, достаточно новый автомобиль иностранной марки (я в них не разбираюсь). Все это предстоит как-то поделить, а это процесс небыстрый...

Но ведь я – женщина, поэтому больше всего на свете хотела сейчас увидеть свою счастливую соперницу, которой достанется мое сокровище Валерка, начальник отдела сбережений преуспевающего банка, наш автомобиль и кое-что из «бытовухи» – квартиру не отдам, хоть меня режьте.

Я заметила только тонкую руку и длинные светлые волосы (очевидно, в жизни они у нее ниже попы), и сейчас меня просто распирало от любопытства. Да чего там – все равно ведь знала, что этим закончится, а теперь «спектакль» хотелось досмотреть до финальной сцены...

Илона быстро разгрэбла стол, кое-как сполоснула грязную посуду. Все знакомые всегда удивлялись, как у одних родителей могли получиться такие разные дети. Илонка с детства была редкостной свиньей, умудряясь за собой везде оставлять последствия атомного взрыва или погрома. Мне приходилось при старшей сестре исполнять роль домработницы, за что я Илонку в детстве люто ненавидела. Мы даже дрались неоднократно, причем в силу неравенства весовых категорий побеждала всегда сестра. А я выросла жуткой чистюлей («маньячкой», как говорила Илона), и сделала из чистоты (в том числе и моральной, нравственной) культ. По-

этому когда подруги, знакомые с моей теорией и убедившиеся в ее правильности, советовали мне завести любовника, «упредив» события, я только снисходительно посмеивалась. Ну не прилипала ко мне эта грязь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.